

Анастасия Зарецкая
СОЗВАТЬ
ВСЕХ на чай!

Анастасия Зарецкая

Созвать всех на чай!

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72939172

SelfPub; 2025

Аннотация

Мне казалось, что спасти кондитерскую от разорения – это задача повышенной сложности. Особенно когда помогает тебе призрак, постоянно твердящий о проклятиях, а самое востребованное изделие – это объявления, которыми предпочитают лакомиться бродячие козы.

Но, когда в кондитерскую вломился высокомерный маг Эдриан, предлагая забрать моё детище под штаб его ордена, я поняла – настоящее веселье только начинается! Впрочем, мой главный секретный ингредиент – это упрямство. Посмотрим, кто кого, Эдриан! И неважно, что магии в моей кондитерской с каждым днём становится всё больше...

Содержание

Рецепт 1. Камни на мелководье. Ингредиенты:	4
козы, корица и отчаяние	
Глава первая	4
Глава вторая	21
Глава третья	53
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Анастасия Зарецкая Созвать всех на чай!

Рецепт 1. Камни на мелководье. Ингредиенты: козы, корица и отчаяние

Глава первая

Ровно половину моей жизни назад, когда мне исполнилось десять лет, мамочка одарила меня волшебной палочкой. Я не расстаюсь с ней по сей день.

Однако, спешу заметить, моя помощница отличается от тех, которыми привыкли размахивать настоящие маги. Формой она напоминает вытянутый в длину торт. А верхняя её поверхность своим оттенком навевает мысли о шоколадном заварном креме. Жаль только, что не является съедобной.

Золотистая глазурь, выведенная рукой мастера, гласит: «Большое собрание рецептов лучшей эферийской выпечки». Вот такая сладкая у меня магия!

Настоящие маги работают с разумом или сердцем, слабачки! Разум и сердце возможно привести в оживление, не при-

бегая к заклинаниям. Достаточно точного словца или даже пронзительного взгляда.

А теперь попробуйте взглядом разбудить чей-то желудок. Если вы не ароматная булочка, у вас это вряд ли получится. Так что я бы ещё поспорила, кто из нас больше причастен к магии: утыканный артефактами и зельями маг или хороший кондитер, которому для свершения чуда хватит муки, сахара и яиц!

Впрочем, иной раз случается так, что даже этими ингредиентами кондитеру разжиться не удастся.

– Анита, нам нечем платить за продукты. – Вот что сказала мне Лори в один прекрасный светлый день, пришедшийся на люсиль, первый месяц лета.

Более того, она ещё и от души меня обругала! А ведь всего полтора года назад не смела и поднимать свои огромные карие глаза, когда я к ней обращалась. Не может не радовать то, что мы с Лори сроднились – иначе нам бы сейчас очень друг друга не хватало. И всё-таки мало кто радуется, выслушивая о себе гадости.

– И это ты во всём виновата, – громогласно заявила Лори. – Ты слишком добрая, Анита. Слишком мягкотелая.

Стерпеть такое оскорбление я уже не смогла. Развела руки в сторону, выставя себя напоказ. Может, я и кондитер, но за своим внешним видом слежу! Такой гармоничной фигурой не каждая аристократка похвастается, между прочим.

– Я не про это! – Лори даже ногой притопнула от избытка

чувств. – Я про твой нрав. Никому никогда грубого слова не скажешь. Да к нам всё приходят лишь для того, чтобы просто с тобой поболтать. Знают ведь, что ты всегда разговор поддержишь и жалобы выслушаешь, даже если они покупку у тебя не сделают.

Моя волшебная палочка всегда находится у меня под рукой, в этот раз она лежала возле кассового аппарата. Я подхватила её и выставила перед собой, как щит. Будто бы это могло спасти меня от нападок Лори.

– И что ты мне предлагаешь? – полюбопытствовала я. – Караулить вход и проверять кошелёк у каждого вошедшего? Если монет в нём меньше, чем цена нашего самого дешёвого изделия, дальше порога не пускать?

– Соглашаться на разговоры уже хотя бы тогда, когда покупка совершена, – пробормотала Лори.

Она отвернулась, принялась переставлять коробочки на прилавках, которые сама же и поставила туда не больше тьеры назад. Вся сникла, как уставшее дрожжевое тесто. Значит, обиделась... Надо срочно её тормозить!

– Ну, ничего страшного, Лори, – я улыбнулась. – Подумаешь, мука закончилась. Будем пока готовить меренги. Попробуем добавлять в них землянику, прогуляемся по окрестным полям – и ингредиент раздобудем, и свежим воздухом подышим.

– Анита, – Лори покачала головой и очень уж внимательно посмотрела на меня. – Яиц у нас тоже осталось десятка с три.

Я махнула рукой, давая понять, что устала бороться с её чрезмерно серьёзным ко всему отношением. Столько трагедии в голосе, столько драмы!.. Как будто не яйца заканчиваются, а Жосен перестаёт светить. И мир на веки вечные погружается во тьму.

Мама всегда меня учила: нет ничего, что нельзя преодолеть. А любые трудности, с которыми мы сталкиваемся, лишь делают наш дух крепче. Тяжёлые времена рожают сильных личностей. Если проблема нехватки денег сможет нас сломить, что будет, когда мы столкнёмся с чем-то более серьёзным?

– Ничего страшного, – только и сказала я. – Как закончатся яйца, возьмёмся готовить суфле. И не говори мне, что молока у нас осталось с четыре пинты. Я договорюсь с гримой Китчер, она обязательно даст нам с десяток пинт в долг. Я же вернула ей предыдущий долг, не помнишь?

– Не помню, – пробормотала Лори.

Не стоит и сомневаться: помнит отлично, просто не решается поведать мне истину. Истина всегда воспринимается тяжело, ударяет по тебе, как черствая булка, запущенная с высоты драконьего полёта прямёхонько в твою наивную голову.

Тем не менее, что бы там Лори ни говорила про мою способность притягивать людей и прочих существ (платежеспособных или нет, теперь неважно), в данный момент наша кондитерская пустовала. Так что я решилась собственноруч-

но сверить отчёт Лори. Как раз тот, через мгновение после вручения которого Лори заявила, что, оказывается, нам нечем за продукты платить.

Кондитерская у нас просторная – места хватило и большой кухне, и складу, в котором за баснословную сумму денег один маг-торговец установил кристалл, поддерживающий прохладу, и даже моему личному кабинету. На пару с отчётом я прихватила и книгу рецептов – невозможно предугадать, когда захочешь обратиться к волшебству.

– Пс-с-с, Анита?

Путь к моему кабинету проходит вдоль одной из стен кухни. А появление на кухне никогда не обходится безнаказанно ни для Лори, ни для меня.

– Успел соскучиться, Кексик?

Что интересно, покидать пределы рабочих помещений наш ручной призрак не рискует. Даже когда зал пустеет. А уж если в нём присутствуют посетители (что само по себе явление довольно редкое), то Кексик не смеет даже голоса подавать. Собственно, гости в кондитерской служат единственным спасением от его чрезмерной болтливости.

Я повернула голову в сторону призрака, и мне едва-едва удалось различить его нечёткие очертания. Размерами наш призрак не превосходит даже не самого высокого гнома. Но при разговорах с ним опускать взгляд вниз всё-таки не приходится: передвигаться вдоль пола Кексик вопиюще не переносит. Так что обычно зависает в ярде над землёй.

– Вы ругаетес-с-с-с Лори, и это неправильно. Прийти к ус-с-спеху мож-ш-шно лишь с-с-сообща. С-с-знаешь ли ты, Анита... Когда я с-с-служ-ш-шил... Да! В те с-с-славные времена, когда я с-с-сам был пекарем, я с-с-смог прийти к ус-с-спеху лиш-с-с тогда, когда повс-с-стречалс-с-я с-с-с моим верным другом! Были времена, когда с-с-са ночь мы пекли с-с-сотни пирогов! К с-с-сожалению, тот мой друг не продерж-ш-шалс-с-ся с-с-сдес-с-сь и недели...

Верить призракам стоит с осторожностью. Мы с Лори убеждались в этом печальном факте неоднократно: смерть не делает прирождённого лжеца честным призраком. Насколько Кексик любить врать при жизни, мы сказать не можем, однако призрачная его сущность любит нас обманывать, в основном по мелочам.

Вот пример. Однажды, в порыве эмоционального всплеска, Кексик сосредоточился настолько, что смог сдвинуть сахарницу, спокойно стоящую на тумбе. Всего на дюйм, но этого оказалось достаточно, чтобы сахарница упала на пол и разлетелась на тысячи осколков.

С каким рвением Кексик пытался нам доказать, что во всём виновата чайка, которая влетела на кухню сквозь приоткрытое окно! Честно смотрел на нас бездонными призрачными глазами и кивал головой, слабо отличимой от тела. Вот только окно у нас в тот момент было приоткрыто лишь на слабую щель, в которую не протиснется даже очень стройная и ловкая чайка.

А в другой раз он смахнул под один из шкафчиков письмо. Лори оставила на шкафчике целый десяток писем, а потому пропажу конкретно этого письма мы заметили не сразу. Осознали свой промах лишь тогда, когда адресат отправил письмо повторно, сопроводив его гневными примечаниями (которые своим объемом превышали размер письма раза в три).

Адресатом этого письма между тем был не кто иной, как сам Капитан Труба – здесь все зовут его именно так, настоящее его имя мне до сих пор никто не сообщил, а потому в письмах приходится обращаться к нему обезличено, как к «местье». В нашем квартале именно он следит за тем, чтобы всё с канализацией было в порядке. По словам самого Капитана Трубы, из-за моей кондитерской он постоянно лишается премий: мы то засоряем канализацию мукой и забываем вовремя вызвать трубочиста, то растрачиваем слишком много воды, пытаюсь отмыть посуду.

Из-за того незамеченного письма Капитан Труба в очередной раз пострадал. И с тех пор предпочитает со мной даже не здороваться. Мы долго мучили Кексика, пытаюсь вывести у него, зачем он поступил с нами так подло. Но в этот раз Кексик свалил вину на ветер.

– В твои времена, – заметила я, – всё было куда как лучше. Я в этом даже не сомневаюсь. Сейчас же наша кондитерская переживает не самый приятный период.

– Ш-с-сто с-с-случилось? – Кексик обернулся вокруг соб-

ственной оси, а потом ещё и меня облетел. Вернувшись к исходному положению, Кексик наклонился набок, едва ли не в горизонтальное положение перешёл. И обеспокоенно уставился на меня.

– Доходы не покрывают расходы, – ответила я, – и уж точно не удовлетворяют амбиции.

– Вс-с-сё, как я и говорил-с! – Кексик покивал. – С-с-страшное место, с-с-страшное!

Историю своего появления в нашей кондитерской Кексик нам тоже успел поведать. Сомневаюсь в том, что ей можно верить, но всё-таки приведу в кратком пересказе. Когда-то очень давно, когда Кексик был едва ли старше меня, он взялся за исполнение своей детской мечты... Знакомая история, не правда ли? Скитаясь (точнее говоря, с-с-скитаяс-с-сь) по с-с-свету в поисках с-с-своего мес-с-ста, Кексик наткнулся на это самое здание, на которое сотню лет спустя наткнулась я.

Если бы в завершение этой истории душа Кексика всё-таки обрела покой, я бы осмелилась предположить, что следующей своей оболочкой она выбрала именно моё тело. Поскольку, выбирая это здание местом своей будущей кондитерской, я руководствовалась теми же принципами, на которые полагался Кексик: недорогой стоимостью самого здания и приветливостью местного населения. Так вот: сто лет тому назад Кексик вывесил над крыльцом этого места гордую табличку, где имени Кексика, настоящему, предшествовала

гордая приставка «Пекарня».

Неприятности начались в первый же день.

Когда Кексик, спускаясь со стремянки после вывешивания таблички, неудачно оступился и растянул лодыжку.

Сначала Кексик винил в неудачах собственную нерасторопность и неуклюжесть. Но очень быстро понял, что дело всё-таки не в нём! А в этом проклятом месте. Погиб Кексик трагически, в самом расцвете сил, спустя три года после того, как повесил свою гордую табличку. Отравился ингредиентом, который никогда и ни у кого прежде не вызывал подобных трудностей...

Однако очень уж много в Кексике оказалось нерастраченного запаса жизненной энергии, а потому просто так исчезнуть со страниц этого мира Кексик не смог. Стал самопровозглашенным хранителем этого места.

И всё-таки именно мне, а потом ещё и Лори, стала доступна такая честь: лицезреть его призрачные очертания и слышать посвистывающий шепоток. Кексик клялся, что прежде никогда и никого не удостаивал такого везения. Опять же, проверить это мы никак не могли. Только поверить на слово. Или не верить.

– И что ты предлагаешь нам делать? Бежать из этого страшного места, куда глаза глядят? А все усилия смыть в канализационную трубу, чтобы Капитан Труба и вовсе нас возненавидел? – я вздохнула. Тяжело сохранять бодрый настрой, когда все вокруг так и норовят погрузить тебя в пу-

чину печали.

– Я буду с-с-скучать... – протянул Кексик, даже вокруг собственной оси закружился от избытка чувств.

Я серьёзно посмотрела на Кексика. Даже руки сложила на груди, чтоб выглядеть более серьёзной и внушительной. И произнесла строго (скорее даже для себя, чем для призрака):

– Не время для уныния!

Но, пожалуй, Лори всё-таки ошибается не во всём. Наверное, я и вправду слишком болтливая. Сколько времени я потратила на разговоры с Кексиком? Страшно посчитать! И сколько денег мне это принесло?

А ведь Кексик вполне мог бы стать фишкой нашего заведения! Если бы был чуть менее принципиальным.

И вообще, иногда мне думается: он даже рад тому, что не так уж всё радостно складывается в моей кондитерской. Ведь если бы я вдруг добилась успеха, это бы значило, что проблема была всё-таки в Кексике, а не в здании. Новоявленный призрак теряет всякую самокритичность. Начинает верить в то, что все совершенные поступки и сказанные слова были единственно правильными в тех обстоятельствах, в которых ему довелось пожить. И такое прямое указание на недостатки Кексика, как успех моей кондитерской, были бы для нашего призрака причиной глубокой душевной раны...

Мой маленький кабинет оказался полностью залит светом Жосен, самой яркой и щедрой обитательницы нашего неба. Из-за приоткрытого окна (в которое вновь ни одна чайка не

смогла бы пролезть) внутрь кабинета залетал бодрый морской воздух. Надо будет после работы прогуляться до побережья. Я всегда предпочитаю лето всем остальным временам года. Значит, не имею никакого права упускать его из виду.

Вообще говоря, во всей кондитерской именно кабинет – моё самое любимое место.

Точнее даже так: я люблю каждый уголок кондитерской, ведь во все её закутки я вложила частицу собственной души. Обустроивала кондитерскую именно так, чтобы самой с удовольствием в ней находиться. Сначала работала над ней в одиночку, если не брать в учёт наёмных сотрудников, а потом и Лори к обустройству подключила, когда она уже стала моей помощницей.

И всё-таки что зал для посетителей, что кухня, что склад вынуждены подчиняться определенным правилам, без соблюдения которых не могут таковыми зваться.

В зале определенным образом расположены столы и стулья, а витрины с товарами нужно расставлены так, чтобы каждый посетитель мог свободно их рассмотреть.

Кухня в целом представляет собой целый свод строгих правил, в котором переплетаются меж собой газовые трубы, канализационные и вентиляционные. Здание относится к старому фонду, а потому правила безопасности следует соблюдать со всей строгостью. За последние двадцать лет существования это здание с десятков раз успело немного обгореть и раза три было слегка затоплено. Повторять ошибки

его предыдущих владельцев мне не хочется.

А на складе приходится поддерживать пониженную температуру. Правда, не могу сказать, что там особо есть что хранить...

Зато свой личный кабинет я обставила так, как того пожелала моя душа. На полочках, которых здесь предостаточно, соседствуют красивые безделушки, ценные бумаги и горшки с цветами. На широком подоконнике устроилась стопка книг, в которой чередуют друг друга любовные романы и книги рецептов, а подпирает эту стопку большая стеклянная ваза, почти до самого верха заполненная разноцветными полупрозрачными камушками. Каждый раз, отправляясь на побережье, я обязательно нахожу очередной экспонат, достойный пополнить мою коллекцию. И несу его сюда.

Есть у меня такое не то предчувствие, не то предубеждение: стоит вазе заполниться окончательно, и обязательно произойдёт что-нибудь, выходящее из ряда вон. Быть может, именно поэтому последние пару месяцев я бываю на море так редко?

Я опустилась на стул, обитый сине-зелёным бархатом. Придвинулась поближе к столу, волшебную палочку оставила на правой стороне стола, отчёт опустила прямо перед собой. Кексик, лишенная скромности душа, тут же занял пространство по левую руку от меня. Всем своим призрачным величием расселся на столе и бездонными чёрными глазами уткнулся в отчёт. Промолвил:

– Почитаемс-с-с, чего ещё вас-с-с лишило это проклятое мес-с-сто.

За чтение мы взялись одновременно. Чем ниже опускались мои глаза, тем бледнее становился Кексик. К концу отчёта Кексик побледнел настолько, что через него удавалось различить структуру стола – ажурные разводы деревянного спила.

Для меня чтение тоже не прошло бесследно. Я почти забыла, как дышать.

– Ладно ещё продукты, – возмутилась я, – но куда могли подеваться все чайные ложки?.. Неужели настолько понравились посетителям, что покинуть кондитерскую без них оказалось просто невозможно? Может, нам стоит продавать не пирожные, а ложки? – Я уткнулась взглядом в Кексика. – Ты один вряд ли бы успел избавиться от двадцати ложек за какую-то неделю.

– Никаких лож-ж-сек! – согласился Кексик не менее возмущенно.

– Может, Лори что-то неправильно посчитала?

Я вернулась на кухню. Хотела сначала заглянуть в зал для посетителей и обратиться к помощнице, чтобы удостовериться в том, что в графе «Чайные ложки: в наличии...» Лори по случайности не написала какое-нибудь не то число. Мало ли, вдруг двойку, значащуюся там, забыла снабдить нулём? Однако, приблизившись к арке, ведущий в зал, я различила посторонний голос: значит, к нам кто-то заглянул.

Что ж, проверим теорию Лори. Если сейчас она продаст хоть что-нибудь из нашего скудного ассортимента, при этом не обсудив с посетителем погоду, новую шляпку и повышение цен на муку, значит, наш неуспех – это целиком и полностью мою вина.

А я пока принялась ложки пересчитывать.

Вытащила из шкафа отсек со всеми столовыми предметами, которые только у нас имелись. Гроыхая металлом, высыпала их на рабочую поверхность, принялась перебирать и считать. Ну и ничего страшного, что до меня в этом отсеке был полный порядок (и аж две чайные ложки, прижавшиеся друг к другу, как несчастные возлюбленные). Может, их родственные души затерялись где-то между вилок и ножей?

Ещё обиднее то, что вилок и ножей оказалось предостаточно! На весь наш пригород хватит и даже на парочку кораблей из порта. А вот ложек – всего две! Как бы тщательно я ни вглядывалась в поблескивающие серебром трезубцы, ни в одном из них не смогла разглядеть округлую сферу.

Я вернула отсек на место. Ещё и зацепила его как-то неудачно, что при опускании вся сотня ножей и тысяча вилок стукнулись друг об друга – наверное, на всю улицу было слышно. Отбросив от лица выбившуюся из пучка прядь, заглянула в зал для посетителей.

– Как там продажи, Лори? Я, наверное, посетителя спугнула своим грохотом?

Лори с самым обречённым видом сидела на стуле, спря-

танном за витриной. Одной рукой подпирала голову, а другой крутила палочку, верхушку которой знаменовала клубника в шоколаде. Отличная, спелая клубника от лучших продавцов в очень вкусном, дорогом шоколаде, который тает во рту, но до этого прекрасно держит форму и не плавится даже в такую жару. Что ещё может быть нужно для счастья?

– Никак, – ответила Лори, поднимая на меня взгляд. – Там была твоя грима Китчер. Она хотела с тобой поговорить, но я сказала, что ты занята.

– Надо было меня позвать, – заметила я. – Или сама бы спросила, даст ли она нам немножечко молока...

– Это унижительно, Анита, – Лори гордо задрала нос, посмотрела на меня свысока. Может, я и в самом деле слишком мягкотелая, раз даже помощница так легко и непринуждённо берётся меня отчитывать? – Бегать, просить...

Не зная, что сказать, я пожала плечами. И поинтересовалась:

– А ты не знаешь, куда подевались все наши ложки? Я прочитала твой отчёт и заинтересовалась их смешным количеством. Может, покупатели не идут к нам как раз таки потому, что не желают есть пирожные с ножа?

Смелость Лори мгновенно стихла. Она опустила взгляд, скукожилась, отвернулась и надкусила клубнику. Удобно, на самом деле: когда что-то жуешь, отвечать не получится, неприлично во время еды разговаривать. Может, использовать это как лозунг для привлечения посетителей? Что-то по

типу «Спасём вас от неудобных разговоров!».

– Кексик говорит, он ложки не трогал, – продолжила я.

– Кексику доверия мало, – напомнила Лори.

– И тем не менее. Избавиться от почти всех ложек за неделю – это слишком грандиозно даже для него.

Лори пожала плечами. И заметила:

– Я в отчёте написала всё как есть. Ничего не придумывала, не преуменьшила и не преувеличила. Продукты у нас тоже исчезают с молниеносной скоростью. Может, дело всё-таки в самом этом здании, как Кексик говорит? Вдруг под ним где-то действительно бездна прячется.

– Удобно переложить ответственность на бездну под кондитерской, – я вздохнула. – Наверное, в следующий раз я так и скажу Капитану Трубе, когда он начнёт жаловаться на засоры – мол, это бездна во всём виновата. Ладно, что уж теперь поделать. Прогуляюсь завтра до грима Мирора. Попрошу, чтобы он отлил нам новые ложки.

– Хорошо, – Лори кивнула. И сделала попытку к примирению: – Я, если что, не со зла это всё говорю, Анита. Мне тоже очень грустно из-за того, что кондитерская попала в такое положение.

– Вряд ли кем-то действительно управляет зло, – заметила я. – Скорее, собственные убеждения. А как они воспринимаются окружающими – это уже другой вопрос. Не волнуйся, Лори! Прорвемся! – Я улыбнулась, даже подмигнуть попыталась: – А сейчас можешь идти домой. Думаю, сегодня

мне больше не понадобится твоя помощь.

А сама я к морю сбегу. Как только завершится рабочий день. Может, где-то там, в сплетении волн, меня ждёт под-сказка?..

Глава вторая

Наслаждаясь морским воздухом, я разглядела необычные корабли у самого горизонта. Все до единого кораблики, ожидающие в порту новое путешествие, были как один – серые и скучные. А те корабли на линии горизонта напоминали скорее пирожные, чем мореходные суда. Я распознала синие корпуса, бежевые паруса и что-то ещё, бликующее под закатными лучами – быть может, до блеска отполированные мачты.

Мне показалось, что пирожные-корабли – это хороший знак, который сулит кондитерской светлое будущее. Вдоволь налюбовавшись такой красотой, я покинула берег воодушевленная. И решила начать действовать прямо сейчас.

Всё равно дома было нечем заняться. Я приходила туда лишь для того, чтобы поспать и привести себя в порядок. Вся остальная жизнь протекала в кондитерской. И вот как, скажите на милость, я могу оставить главную составляющую моего существования?

Мой план был настолько же прост, насколько гениален.

Я решила, что пора напомнить о себе. Даже, точнее говоря, о своих кондитерских талантах – про меня в нашем тихом пригороде помнят многие. А иначе не пришлось бы здороваться с каждым вторым встречным, пока я летела на парусах воодушевления в свой скромный чердачок, который вот

уже два с излишком года называю домом.

Мне нужны яркие объявления – такие, чтобы при одном взгляде на них захватывало дух! И чтобы хотелось помчаться в кондитерскую и скупить всё, что представлено у нас на полках. Ну и ещё, конечно, мне требовалось подготовить сам товар, но это уже дело второстепенной значимости.

Для создания достойных объявлений я решила обзавестись бумагой (плотной, чтобы не размягчалась от морского бриза) и красками (самыми насыщенными, чтобы приковывали взгляды издалека).

Ради закупок мне вновь пришлось обратиться к средствам, припасённым на самый крайний случай. История появления у меня этих средств весьма незамысловата: их выдала мне мама с щедрой подачи её мужа, когда я твёрдо и уверенно заявила ей, что отправляюсь в свободное плавание. А история их растрат ещё проще: я спустила почти все деньги на кондитерскую.

Раз уж в меня поверили, разве я могу это доверие разрушить? Доверие и без того вещь хрупкая, как карамельная пластинка, одно неловкое движение – и разлетится на осколки. И если я сейчас найду наглости прийти и заявить – у меня ничего не вышло, примите меня обратно! – много ли я буду после этого стоить?

Звякнув кошельком, я покинула чердачок ещё шустрее, чем в него попала. И устремилась обратно, в сторону моря.

«Бумажная фабрика», как прозвала свою весьма скром-

ную по размерам лавку мия Ракита, намеревалась закрыться как раз в тот самый момент, когда я её перешагнула. Ракита, мия с суровым нравом, но ласковыми глазами, очень тяжело вздохнула, завидев меня. Её кулаки невольно потянулись к бокам, но я заявила с порога:

– Мия Ракита! Мне нужна самая лучшая бумага и самые яркие краски.

Хозяйка «Бумажной фабрики» мгновенно подобрела, разгладились морщинки на лице, и Ракита стала моложе лет на десять, почти сравнявшись по возрасту со мной. В своих жизненных ценностях мы тоже с ней похожи – обе держимся за места, которые забирают у нас все силы, но никак не желают приносить доход.

Конечно же, Ракита обрадовалась, когда поняла, что я пришла не чтобы поглазеть, а за определенным товаром. Я бы скакала до потолка, если бы кто-то пришёл в кондитерскую и скупил все наши самые дорогие пирожные.

– Сейчас подберём, хорошая моя. Вот смотри, как тебе эти образцы бумаги? Просто пощупай! Будто шёлк. А как тебе эти? Глянцевые, словно едва проклюнувшаяся трава! А теперь краски... Вот, только взгляни, одной тебе показываю, по строгому секрету... новейшее изобретение магов! Переливается всеми цветами! А к ней в дополнение вот такая пойдёт, чтобы внести капельку серьёзности... Объявления будешь рисовать, говоришь? Это правильный подход! Расскажешь потом, насколько сильно помогли, я себе тоже на-

рисую.

На чердачок я решила не возвращаться. Во-первых, там нет искусственного света, а мне он сейчас как никогда нужен. Во-вторых, нагруженная ворохом глянцевої бумаги и мешком краски от самых разных поставщиков, я бы попросту не смогла до него дойти. Зато кондитерская была под рукой, через три здания.

Я ввалилась в неё через парадный вход, сопровождаемая закатными лучами. Звякнул колокольчик над дверью.

Свалила покупки на пол и слегка сдвинула вбок одну из непроницаемых синих штор, которыми мы зашиваем окна, когда закрываем кондитерскую для гостей. Кексик посоветовал, между прочим. Чтобы возможные воришки не засматривались на товар, а порядочные посетители, заглянув в кондитерскую следующим утром, не знали, какие изделия свежие, а какие вчерашние.

Шучу, конечно. У нас всё – только из духового шкафа!

Сквозь свободное пространство внутрь кондитерской проник закатный луч, пробежался по паркету и, дотронувшись до стеклянной витрины, рассыпался на тысячу оранжевых искорок. Я резко опустила штору, и кондитерская тут же погрузилась в полумрак.

А вот и сам Кексик. Выглянул из кухни, но в который раз не осмелился пройти в зал для посетителей. Прошелестел:

– Ш-с-сто это ты тут с-с-задумала?

– Были бы у тебя руки, – пробормотала я, – и я бы по-

просила тебя помочь мне с сумками. Однако эта возможность отпадает. Зато воображение у тебя есть, и даже весьма неплохое.

– Неплохо-о-ое, – согласился Кексик довольно. Справедливости ради, не так уж часто мы его хвалим. На месте Кексика я бы тоже обрадовалась такому скромному, но всё же доброму слову. – Ш-с-сто надо с-с-сделать?

Я заперла кондитерскую изнутри, подхватила покупки и устремилась к кабинету. Рисовать буду именно там, и не только потому, что люблю проводить в нём время. Чем меньше света я сейчас потрачу, тем позднее произойдёт тот момент, когда мне придётся обращаться к магам для подзарядки энергетического кристалла. Что влечёт за собой целых два плюса: отдаляет и очередную растрату денег, и встречу с представителями магического класса.

– Придумать, как именно мы будем привлекать покупателей! – ответила я. – Я решила нарисовать объявления. Несколько штук я думаю посвятить нашей лучшей выпечке... Скажем, вишневому пирогу и бриошам... Но несколько – какому-нибудь восхитительному предложению. Надо только определиться какому.

Кексик взялся за придумывание с неожиданным энтузиазмом. Закружился по кухне с такой скоростью, что даже в кабинете слегка зашевелились шторы. Пока он раздумывал над восхитительным предложением, я успела создать объявление с вишневым пирогом. Я любила рисовать в детстве.

Повзрослев, я стала рисовать только на тортах, но всё же стоило прикоснуться к бумаге, и руки сами вспомнили, как следует держать кисть и наслаивать краску.

Пирог получился как настоящий. Если бы радость от очередной крышесносной затеи не затмила во мне все остальные чувства, то, не сомневаюсь, я бы услышала журчание собственного живота. Объявление было почти готово. Осталось лишь дописать название кондитерской, стоимость и наименование изделия...

Кексик влетел в кабинет как раз тогда, когда я выводила последнюю букву «пирога» той самой сверкающей краской. И я, не ожидавшая этого, дрогнула. Как итог, «Г» у меня получилась смазанной, будто была выложена из джема. Ничего, сойдет. Можно сказать, что это художественный замысел.

– Анита! – торжественно объявил Кексик. – Я хочу с-с-сказ-с-зять, что все любят воз-с-снаграждения!

Надеюсь, это был не намёк на то, что любой труд, даже труд призрачного воображения, должен оплачиваться.

– Я предлагаю, – продолжил Кексик, закружился на месте, растерял половину своей полупрозрачной сущности, но тут же её восстановил. – Награж-ш-шдать наш-ш-ших гос-стей! Например, так: с-с-съешь один... – он покосился на моё первое объявление, – пирог, и второй получиш-ш-шь в с-с-снак награды! Анита, у тебя, оказ-с-сывается-с-ся, талант!

Я скромно потупила взгляд. Но уже через мгновение внимательно (и даже слегка восхищенно) посмотрела на Кекси-

ка. А ведь он прав! Предлагает вполне себе дельные вещи. Если бы Ракита вручила мне ещё один мешок с бумагой и красками, я бы, конечно, ни в жизнь не донесла их до кондитерской, но точно стала бы раза в три счастливее.

– Ты молодец, Кексик! – провозгласила я, ничуть не скупавив. – Ты, наверное, использовал такие приемы в своей пекарне.

Кексик вздохнул печально-печально, так, как умеют вздыхать только призраки (по крайней мере, на жизненном пути мне ещё не попадалось ни одно существо с таким печальным вздохом). И заметил:

– Ес-с-сли бы я умел рис-с-совать, то, может, и с-с-сооб-раз-с-сил бы нечто подобное... Быть может-с-с-с, в этом и с-с-заклучалас-с-сь моя ош-с-шибка? Ч-с-то я раз-с-свивался однос-с-сторонне?

Следом за пирогом я изобразила бриоши, как и намеревалась изначально. Бриоши были самым любимым видом выпечки у Кексика. Поскольку именно кексики и напоминали, но к тому же украшались сверху круглой шляпкой. Кексик неоднократно говорил нам о том, что, будь он чуть более материальным, обязательно бы обзавелся таким элегантным головным убором.

Бриоши выстроились один за другим, как корабли в порту.

А под ними я изобразила тарелку с самыми разными закусками – начиная от красной рыбки и грибов, заканчивая

шоколадом и сливочным кремом. Бриоши служат универсальной выпечкой: с чем ни замешай, получится загляденье! Правда, именно в моём случае такое невообразимое ассорти – сладости, овощи и солёности на одной тарелке – получилось несколько провокационным. Но существа в нашем квартале живут интеллигентные, разберутся!

Следующий плакат я выделила под профитроли. Их на лист получилось вместить ещё больше, чем бриошей. Так что слегка рябило в глазах. Но наша первостепенная цель – привлечь внимание, правильно? А рябь справляется с этим просто замечательно.

Далее я перешла к предложениям, от которых просто невозможно отказаться, – взялась воплощать идею Кексика. Он, конечно, постоянно крутился рядом и подсказывал, как нарисовать все самым лучшим образом.

«Купи пять клубничных тартов – получи в подарок лимонный тарт, чтобы жизнь не показалась слишком сладкой!»

«За один присест съел девять эклеров? Дарим ещё один, место ему точно найдётся!».

А потом и для бриошей повторила это объявление, раз у меня хорошо их рисовать получается.

Не без язвительности, соглашусь, но в этом и заключался наш с Кексиком план, а также предназначение в принципе любых объявлений, – зацепить.

Я уснула на седьмой листовке. В прямом и переносном смысле.

Сама не заметила, как погрузилась в сон. Просто в какой-то момент наклонилась поближе к бумаге, чтобы прорисовать блик на глазури, и голова сама собой опустилась на стол, а глаза закрылись.

Поймали меня с поличным, прямо на месте преступления. Лори, которой я давным-давно выделила запасной ключ, пришла ранним утром в кондитерскую и заметила свет в моём кабинете. А ещё – повстречалась с Кексиком, который прошептал едва слышно, что я устала и решила немного передохнуть.

Лори потрепала меня за плечо, и я наконец рассталась с листом бумаги и взглянула на Лори недоуменно, пытаюсь понять, где нахожусь.

Вместо того чтобы пожелать мне доброго утра и помочь найти себя в этом мире, Лори хмыкнула и сообщила, что у меня переливается нос. Тоже мне удивление... Какой ещё краской рисовать глазури, если не самой роскошной? Иная краска вся прелести нашей глазури не отобразит!

– Лори, дай мне ещё немного времени, – попросила я. – Я закончу рисовать объявления и присоединюсь к тебе. Подготовь пока кондитерскую к открытию. Начинать готовить суфле... Я отправлюсь на закупку, как только освобожусь.

Оставшиеся три с половиной объявления я нарисовала весьма шустро и легко. А что ещё приятнее – Кексик одобрил все мои художества до единого. И в который раз похвалил мой скромный талант. Вот бы ещё и материальные оби-

татели нашего пригорода впечатлились им как следует!..

Объявления я оставила высыхать – чтобы краска плотно зафиксировалась на листе, пропитала его от верхушки до основания. Вообще говоря, этап пропитки – один из самых важных в кондитерском искусстве... Оттерев краску с носа, я покинула кондитерскую и пошла по соседям.

Были ещё деньги в кошельке!

Считайте, последние, но лучше уж я потрачу их сейчас, чем потом буду жалеть, что не смогла спасти кондитерскую.

Первым делом я заглянула к гриму Мирору – гному, который славится не то что на весь пригород, а даже на всю Эферию своим умением изготавливать невероятной красоты столовый сервиз. И приемлемыми ценами, смешными по сравнению с качеством. Очереди из желающих обзавестись его творениями всегда стоят отменные. И всё-таки даже с учётом этого грим Мирор обязательно находит возможность выполнить мои скромные заказы. Вот и в этот раз – он взялся отливать двадцать новых ложек, не сказав мне ни слова против. Пообещал справиться за ближайшие два дня.

После этого я пошла к гриме Китчер. Сама грима Китчер гномкой не является. Но зато – двадцать лет назад она вышла замуж за гнома, который приходится кузеном гриму Мирору. И с тех пор обрела статус гномьей жены. Вместе с мужем грима Китчер содержит полноценную ферму, в которой нашлось место и курочкам, и козам. А мне, как её подруге, положена скидка на их товары.

Я вернула гриме Китчер прошлые долги. И значительную часть монеток из кошелька выделила на новые приобретения. Грима Китчер пообещала доставить все ингредиенты к вечеру. Что ж, кого-то ждёт увлекательная ночь, полная таинственного волшебства! Буду готовить всю ту красоту, которую нарисовала за ночь для этого.

За фруктами, ягодами и кое-какими специями пришлось заходить отдельно – на рынок свежих продуктов. Лавки его летом пестреют от обилия вкусов, удержаться невозможно. Вот и я в который раз не удержалась. Приобрела три ягодные корзины, мешок лимонов, фунта три специй... И всё – на свою хрупкую спину!

Благо покупки помог донести мальчишка, Вилки – я с завидным постоянством замечаю его у рынка, он будто только и ждёт, пока попадётся какая-нибудь старушка, которая примет его помощь и расплатится за неё монеткой. В этот раз такой старушкой оказалась я. Правда, с меня Вилки не взял даже медяка. Наверное, я совсем его заболтала...

День прошёл, в общем-то, неплохо.

Мы с Лори даже кое-что получили с суфле – покрыло примерно двадцатую часть всех тех расходов, которые я сегодня понесла... А потом наступил вечер. Время, когда я остаюсь один-на-один с кондитерской. Ну и ещё – с её постоянным обитателем.

– Я сегодня здесь переночую, – сказала я Лори вместо прощания. – Приготовлю кое-что к завтрашнему дню. А для те-

бя у меня есть ответственное задание: развешать объявления. – Я вручила Лори ворох разноцветных листов и клей. – Не стесняйся и вешай на самые заметные места. Вот увидишь, уже к обеду у нас не будет отбоя от покупателей!

Половину ночи я потратила на то, чтобы сотворить сладкую магию.

Ещё треть на то, чтобы навести порядок на кухне и спрятать творения в прохладе склада – ведь только так они сохраняют свой чудесный вид и невероятный вкус до прихода гостей.

А несколько предрассветных мгновений остались мне на то, чтобы вздремнуть. Пришлось вновь воспользоваться столом.

Я покинула кондитерскую, едва посветлело небо. Не терпелось полюбоваться объявлениями! И оценить, насколько удачно Лори их расположила, чтобы со всей искренностью похвалить помощницу.

Однако ни одного объявления я так и не обнаружила.

Ни когда посмотрела со стороны крыльца нашей кондитерской, ни даже когда прогулялась по торговому островку. Я не разглядела даже намёка на мои объявления! Что, признаться честно, меня всё-таки расстроило.

Появления Лори я дожидалась с нетерпением. Очень хотелось узнать, действительно ли она выполнила мою просьбу, и если да, то в какую именно глушь я должна отправиться, чтобы самостоятельно в этом убедиться?

Я подкараулила Лори у входа.

И общение наше, увы, вновь началось не с приветствия.

– Лори, а что стало с теми объявлениями, которые я передала тебе вчерашним вечером? – полюбопытствовала я. – Ты отвлеклась на что-то другое? И забыла выполнить мою просьбу?

– Я их повесила, – ответила Лори, посмотрела на меня предельно честными глазами. – Вчера вечером, сразу после того, как ушла из кондитерской.

– Пойдём, – предложила миролюбиво. – Покажешь, куда смотреть.

Впрочем, наличие Лори под боком никаким образом не поспособствовало лучшей видимости объявлений. Лори ответственно показала мне те места, которые украсила нашими объявлениями. Однако места остались, а сами объявления исчезли безвозвратно.

Лори расстроилась.

Я поняла это по её выразительному лицу.

А мне очень не нравится, когда кто-то расстраивается в принципе – а если расстраивается из-за моих слов или действий, то этого я тем более не выношу.

Так что я махнула рукой и заметила:

– Ну ничего. Нарисую новые.

И на всякий случай сбегала до мии Ракиты – за новым клеем. А на предыдущий нажаловалась: сказала, что для таких тяжелых листов бумаги он совершенно не подходит. Мия

Ракита пообещала переговорить с поставщиками и больше такой клей на прилавок не выставлять. А новый продала мне с большой скидкой.

Пока Лори выставляла на витрину мои ночные творения, я рисовала новые объявления.

А Кексик кружился рядом, непрерывно меня подбадривая.

Хотя, что таить, новые объявления получились не настолько красивыми, как предыдущие – ведь рисовала я их на скорую руку. Да и переливающаяся краска почти израсходовалась на предыдущий десяток листов... Но все-таки хоть какие-то объявления лучше никаких, правильно?

В этот раз я взялась развешивать их сама.

Пустота в кондитерской позволила мне оставить Лори за старшую, а самой отправиться на прогулку.

Но в этот раз я поступила умнее: развешала только те пять объявлений, что нарисовала первыми (поступить по-глупому мне все равно не удалось бы, поскольку последние пять объявлений ещё не успели высохнуть). Я выбрала самые заметные места! Так, чтобы у жителей нашего квартала голова закружилась от обилия красок! Пока я развешивала пять несчастных объявлений, ко мне пятнадцать раз успели подойти с вопросами. Поинтересоваться, зачем я порчу городской фасад своими листовками. И всякий раз я отвечала, что делаю его лишь лучше.

Вторая почти бессонная ночь не прошла для меня даром.

Я стала настолько сообразительной, что решила понаблюдать за объявлениями со стороны. Если они вдруг начнут исчезать, неплохо будет осознать, по какой причине они творят такое безобразие. Проблема в клее? В равнодушных жителях нашего квартала, которым мои объявления мешают наслаждаться пригородным пейзажем? Или в работниках кондитерской из соседнего квартала, которые обзавидовались моей фантазии? У них тоже дела идут не очень хорошо, я слышала.

Правда, прежде чем взяться за наблюдение, я сбегала до Лори – предупредить, что задержусь ещё ненадолго. А потом переставила эклеры так, чтобы они удовлетворяли даже самое изысканное чувство прекрасного. И оттерла со стола чайное пятно – оказывается, пока меня не было, к нам успел прийти гость, чтобы насладиться клубнично-сливочным чаем и кусочком вишневого тарта.

Вернувшись наконец в наблюдательный пункт, я застала поразительную картину.

Мои объявления, нарисованные на шелковистой, как молодая весенняя травка, бумаге, беззастенчиво жевали козы. Целая преступная группировка из двух коз и трёх козлят.

Неужели это козы гримы Китчер? Я внимательнее вгляделась в их окрас и с облегчением выдохнула – нет, не её... Козы гримы Китчер, все до единой, обладают отличительной чертой: коричневой звездочкой на левом ухе. Она говорит, это знак благородного происхождения её коз. И ещё – они

всегда вычесаны и подстрижены, а у этих коз в шерсти запутался репейник и мордашки чумазные. Хорошо хоть не переливаются.

Я не стала воевать с козами. Позволила им насладиться вкусом моих объявлений. Вдоволь налюбовалась тем, как кто-то с удовольствием чавкает бумагой.

Вообще говоря, предназначение моей кондитерской – подсластить жизнь, а уж какие именно будут для этого использоваться изделия, дело второстепенной важности.

Но оставшиеся пять объявлений я повесила настолько высоко, насколько вообще позволял мой скромный рост.

Объявления всё-таки сработали!

Но, конечно, совсем не тем образом, на который я надеялась.

Повесив объявления высоко, я, конечно, спасла их от коз. Но ещё – вдвое сократила число лиц, которых могли бы заинтересовать предложения кондитерской. Одним махом избавилась от гномов, юных девиц и старушек – то есть, самых частых посетителей моей «Сладкой магии». Они оказались попросту не в силах разглядеть объявления.

Зато на следующий день после того, как последние пять объявлений заняли свои места, к нам пришёл орк.

Широкоплечий – настолько, что едва поместился в дверной проход. Высоченный – если встанет на цыпочки, головой врежется в потолок, а у нас не самые низкие потолки. И

зелёный. Чуть менее зелёный, чем первая весенняя травка, но все ещё весьма выдающийся. Разглядеть его зелень удалось во всей красе, поскольку орки привыкли не утруждать себя лишней одеждой. Если штаны на них, в большинстве случаев, всё-таки имеются, то мощный торс они привыкли выставлять на всеобщее обозрение.

Объявление орк принёс вместе с собой. То самое, где говорилось про десятую бриошь, которой обязательно найдется место в желудке. В его мощных руках наше объявление, три фута на два, показалось мне крошечной визитной карточкой.

С одной стороны, объявление можно было и не трогать. С другой – таким экстравагантным жестом орк сразу обозначил цель своего присутствия: он запланировал купить у нас целых девять бриошей!

– Приветствуем вас в «Сладкой магии», уважаемый гость! – я улыбнулась самой радушной улыбкой. – Пожалуйста, выбирайте, что по вкусу. Все свежее и вкусное, пальчики оближите!

Не хотела бы я видеть то, как орк облизывает пальцы... Но гостеприимство – оно такое! Запрещает разносить гостей по шкале собственной симпатии.

Из кухни выглянула Лори. Но лишь на мгновение. Заметила нашего внезапного гостя и предпочла улизнуть, пока он не успел заметить её.

Народ, в большинстве своём, с большой настороженно-

стью относится к оркам. Считает их хулиганами, скандалистами и дебоширами. Некоторые торговцы даже обозначают правило: никаких орков в их лавке! Но, как по мне, каждый заслуживает свой ломоть счастья. Или хотя бы пирога.

Уж не знаю, к каким методам межличностного общения прибегают орки-скандалисты.

Мой и вовсе обошёлся без слов. Молча положил на прилавок объявление. А потом ткнул пальцем в витрину – как раз туда, где жались друг к другу бриоши. Кажется, они уже поняли, какая участь их поджидает.

– Бриоши, отличный выбор! – я всплеснула руками. – Смотрите, у нас есть бриоши без начинки. А есть сладкие или пресные. Какие именно вас интересуют? Из сладких – клубника, вишня, лимон... Из пресных – грибы или сыр с зеленью. Выбирайте, пожалуйста.

Орк перевёл взгляд на меня. А орки, меж тем, и лицом достаточно свирепы. В основном из-за выдающейся нижней челюсти и большого квадратного лба. Но ещё самую малость – из-за небольших, всегда карих глаз. Какие бы чувства ни испытывал орк, глаза его обязательно прищурены. Будто бы он подозревает тебя в чем-то нехорошем. И даже если ты прежде не наблюдала за собой злодеяний, орк заставит тебя поверить в то, что ты крупно ему насолила.

– Неважно, – ответил он наконец, – любые. Сначала пресные, потом сладкие.

– Упаковать с собой? Или желаете посидеть здесь?

Головой он махнул в сторону столиков, совершенно пустых. Я кивнула и улыбнулась в очередной раз:

– Быть может, чай? Смотрите, у нас есть очаровательный сбор. Листья земляники, жасмин, чайная роза и василёк. Остывая, он раскрывает все свои вкусовые грани. Желаете попробовать?

– Можно, – смилоствовался орк. И даже взглянул на меня чуть менее враждебно.

Магия, я же говорю! Сладости – это одна сплошная магия!

Выскользнув из-за прилавка, я прошла мимо орка – и высотой ему оказалась примерно по локоть. Отодвинула стул возле столика, примыкающего к стене, и мысленно порадовалась тому, что на складе, помимо всего прочего, у нас имеется парочка запасных стульев. Ну а вдруг?..

Поправив букетик васильков в стеклянной вазе, занимающей сердцевину стола, я пообещала:

– Вернусь в самом ближайшем времени!

Стул скрипнул, но выдержал. Я заглянула на кухню и заметила Лори, безмятежно созерцающую вид за окном. И попросила шёпотом:

– Лори, земляничный чай! Завари самый большой чайник. И достань самую большую чашку.

Кексик взглянул на меня большими бездонными глазами. И вздохнул едва различимо. Наверное, на его призрачном языке крутилось множество слов, но таков уж был принцип Кексика: при посетителях становиться безмолвной рыбкой.

Зато, как только мы с Кексиком вновь останемся наедине, боюсь представить, какой поток слов на нас обрушится.

Пока Лори возилась с чаем, я переложила бриоши из блюда на длинной ножке в блюдо без каких-либо конечностей. Ровно девять бриошей – две сырные, две с грибами, три с клубникой, две с лимоном. И дополнительно ещё одну, вишнёвую. А оставшиеся бриоши вновь накрыла стеклянной крышкой. Впрочем, что там уже было накрывать... бриошей осталось всего шесть. Но это тоже не сказать чтобы плохо. Может, мы успеем распродать их до вечера. И не придётся ничего списывать.

Я сама вынесла орку чай – его тонкий ягодно-цветочный аромат разнесся через всю кондитерскую.

Да и на то, чтобы вынести блюдо с бриошами, тоже не нашлось больше смельчаков.

Поставив десерт перед орком, я взялась протирать полочки возле стены: не могла же оставить кондитерскую без присмотра, правильно? Впрочем... Протереть я успела ровно половину одной полочки. Поскольку потом кто-то ласково прикоснулся к моему плечу.

Новый посетитель? Признаюсь, я тут немного отвлеклась...

Однако же, обернувшись, я заметила лишь уже знакомого мне орка и никого более. Орка, который, зависнув возле кассы, указывал на моё объявление, всеми забытое.

Я заглянула орку за спину (правда, для этого пришлось

сделать два шага влево).

И заметила полностью опустевшие приборы: самый большой чайник, самую большую чашку и нескромных размеров блюдо.

После я вновь перевела взгляд на объявление. Зелёный палец орка с бледноватым овальным ногтем указывал на строчку, которая обещала найти место для десятой бриоши.

– Десятую бриошь я вам положила сразу, – заметила я учтиво. И на всякий случай добавила: – Десятой была вишнёвая.

– Я понял, – заметил орк не менее вежливым тоном. – Однако не наелся. За девять я плачу. Чай тоже. Но остальные – будьте любезны, даром. Место в животе ещё есть.

Я перечитала объявление ещё раз. И потом вновь – много-много раз. «За один присест съел девять бриошей? Дарим ещё одну, место ей точно найдётся!».

А ведь он прав, укуси меня лопушка! Мы с Кексиком наобещали кормить посетителей бриошами до тех пор, пока они могут их есть...

Какое счастье, что бриошей осталось всего шесть! Так мы хотя бы выйдем в ноль, не в минус.

Что за магия у меня такая – превращать возможный доход в расходы?..

В этот день я покинула кофейню даже раньше, чем Лори. Попрощалась с Кексиком, который придумал тысячу и одно

оправдание моей незадачливости, ссылаясь на собственный не самый удачный опыт. И оставила Лори разбираться с нашими новыми ложками, красивыми и филигранными, натирать их вафельным полотенцем.

В надежде обрести душевное равновесие, я вновь обратилась к морю.

Прошлась вдоль побережья, усыпанного множеством мелких камней. И, дождавшись, пока случайные прохожие отвернутся, спрятала в карман платья бледно-розовый камушек.

Рассматривая Жосен, безжалостно пожираемую горизонтом, я заметила заходящий в порт корабль. И узнала его сразу же. У этого корабля была галюнная фигура в виде русалки: некогда весьма симпатичной и, наверное, схожей с истинными представительницами этой удивительной расы. Но солёная вода и морской воздух исказили русалку до безобразия. С отломленным носом, покореженным подбородком и поросшими полипами волосами, она напоминала скорее водное чудовище.

А команда этого корабля заметила меня – я разглядела фигуру, появившуюся на корме, и даже расслышала свист. И решила дожидаться того момента, когда корабль остановится.

Если честно, когда-то (хотя и недолго) я тоже мечтала ходить на кораблях.

Быть отважным моряком, выполняющим особые поручения короны. Или ещё лучше – пиратом, не испытывающим

ни к кому жалости.

Но потом мама подарила мне книгу, на обложке которой значится: «Большое собрание рецептов лучшей эфериийской выпечки». И я оставила свои морские мечты в прошлом.

Корабль причалил достаточно скоро: Жосет ещё даже не успела окончательно скрыться за горизонтом (хотя и приближалась к нему). Этот корабль в целом был противоположностью слову «медлительность». Он мгновенно причаливал, отчаливал, исчезал и возвращался. Ну и, конечно, нигде не задерживался подолгу. А всё благодаря капитану, которому на принятие решений никогда не требуется больше одного мгновения.

Капитан Форд Литар, к вашим услугам!

Он махнул мне рукой ещё с палубы, и я кивнула в ответ.

Помимо стремительности, капитана Форда Литара можно узнать и по другим чертам. Например, по слегка кривому носу – он ломал его неоднократно... Капитан Форд Литар оправдывает свои переломы скользкой палубой, на которую юнги любят расходовать годовой запас мыла ежедневно. И падениями с отвесных скал, на которые капитан Форд Литар забирался, разыскивая сокровища. Но я подозреваю всё-таки, что он получил их в драках...

А ещё капитан Форд Литар славится малахитовым платком, неизменно повязанным вокруг шеи, зелёными глазами в окружении пушистых ресниц, родинкой на правой щеке и излишней любвеобильностью.

В особо романтические мгновения капитан Форд Литар объясняет, почему же он не может позвать меня замуж прямо сейчас, несмотря на то что я ему куда приятнее скучного большинства. Причин имеется целых две. Во-первых, непостоянность капитана Форда Литара. По мнению капитана, это слово характеризует то, что он постоянно путешествует из одного места в другое, по моему мнению – то, что в каждом таком месте он пудрит мозги наивным девицам. А во-вторых, это наша разница в возрасте. Капитан Форд Литар годится мне в отцы.

Он сбежал по трапу впереди команды. Всё потому, что капитану Форду Литару не терпелось завязать со мной неприценную, ни к чему не обязывающую беседу.

– Анита, крошка! – На его лице расцвела улыбка харизматичного наглеца. – Звезда моя необъятная!

Если кто-нибудь ещё хотя бы раз укажет мне на вес, я прекращу есть выпечку и перейду на овощи, честное слово.

– Капитан Форд Литар. – Я улыбнулась ему ничуть не менее провокационно. Лори говорит, у меня хорошо получается. – Давно мы с вами не встречались. С конца весны, кажется.

– Давно, моя восхитительная, – капитан Форд Литар вздохнул и поправил платок, повязанный в очередной морской узел. – Сама понимаешь: чем больше делаешь, тем больше делаешь... Забот от этого меньше не становится. Работа – дело такое. Подожди меня немного, куколка. Погуля-

ем.

Из улыбчивого наглеца капитан Форд Литар за одно мгновение превратился в сурового капитана. Нахмурился, повернулся к команде и раздал несколько чётких указаний, не допускающих пререкания. Подготовить груз к завтрашнему дню – весь завтрашний день корабль проведёт здесь, торгуя с местным населением, не завидую я ему, конечно... Далее: запретить всё, что запирается. И обязательно идти веселиться.

А потом капитан Форд Литар вновь повернулся ко мне. И на лицо его вернулась улыбка.

Мы неспешно пошли вдоль берега. Отчего-то я ступала по камням едва слышно, а капитан Форд Литар с таким хрустом, будто бы камни не выдерживали его величия, ломались прямо под грубыми подошвами ботинок.

– Как твоё дело жизни, лучезарная моя? Уже сразила этот город своей восхитительной стряпнёй? – он рассмеялся хрипло.

– Дело терпит некоторые трудности, – честно призналась я. – Торговля не идёт ни в какую. Если завтра вам удастся продать хоть что-то – я буду сильно вам завидовать. Самой крупной покупкой за сегодня были девять бриошей. Но за них я поплатилась семью бриошами, отданными задаром.

– Своё дело, малышка, штука такая, – заметил капитан Форд Литар, поднял взгляд на плавно темнеющее небо. – Непокорная, как море. Только что ты летел на всех парусах, всемогущим себя считал... А потом оказываешься на мели

и забываешь всякую гордость, думаешь лишь о том, чтобы выбраться из передрыги. Но запомни слова старого дурака, Ани: волна обязательно придёт. Подбросит тебя и взбодрит.

Мы прошли ещё немного.

Капитан Форд Литар поделился историями, которые успели произойти с ним за время нашей разлуки. У капитана Форда Литара любопытная манера рассказывать мне истории. Начинается всё с размахом и кучей подробностей. Он описывает морские пейзажи и существ, замеченных издали. Но потом капитан Форд Литар из прошлого к этим существам приближается, а нынешний капитан Форд Литар заканчивает свою историю быстро и как-то скомкано. Подозреваю, дело в том, что после переломного момента в истории начинаются такие события, рассказ о которых, по мнению капитана Форда Литара, может нанести моей душе глубокие раны.

Когда мы уже почти возвратились к кораблю, капитан Форд Литар вдруг заметил:

– У меня есть для тебя кое-что особенное, чудесная моя Анита. Подарок, который наверняка поможет тебе в твоём деле. Я привёз это издалека. Ты даже не знаешь таких королевств, звездочка... Однако же, находясь в тысяче миль от нашей скромной Эферии, я увидел эту специю и сразу же вспомнил о тебе. Представь, насколько сильно ты запала мне в сердце? Подожди здесь.

Посторонние расхаживали по кораблю капитана Форда

Литара постоянно. Но только в том случае, если не были женщинами. Капитан Форд Литар, моряк старой закалки, женщин на своём судне не допускает.

Я осталась стоять у трапа.

А капитан Форд Литар влетел на корабль настолько шустро и непринужденно, будто лет ему было не больше двадцати.

Я успела переброситься парочкой фраз с моряками из его команды, которые, будто по волшебству, вдруг оказались рядом. Однако же капитан Форд Литар довольно скоро ко мне вернулся. И одним своим появлением спугнул всех, кто, случайно или намеренно, оказался рядом.

– Держи, непокорная моя волна, – и он протянул мне коробочку размером чуть меньше моей ладони. Пальцы у него оказались грубыми, закаленными постоянной работой в море. – На благо тебе и твоему делу.

Я взяла коробочку. И аккуратно сняла с неё крышку. Внутри оказалась... корица. Тончайшие листы, свернутые в трубочки и перевязанные бечёвкой. Тёплый запах специи мгновенно защекотал нос. Хорошая корица, в самом деле. У нас и не встретишь такую ароматную.

Быть может, посетителей действительно привлечёт аромат корицы? Если, скажем, я пошире открою окна...

Я уже собралась поблагодарить капитана Форда Литара со всей возможной искренностью... Как он вдруг сменил тактику общения. И сделал это, конечно же, зря.

– Не желаешь продолжить встречу? – Улыбка капитана Форда Литара перешла из наглой в соблазнительную. – Угощу тебя чем-нибудь вкусным, на напитки не поскуплюсь. Деньги у меня есть, успел заработать за время нашего расставания. А уж там... Посмотрим, как пойдёт, вдруг и сложится что из нас с тобой.

– Лучше вы заглядывайте завтра ко мне в кондитерскую, – предложила я. – Приготовлю что-нибудь с вашей корицей.

И упорхнула – не только капитан Форд Литар владеет талантом незаметного исчезновения.

Возвращаясь к себе, на чердачок, я вдруг задумалась над названиями кораблей.

Например, корабль капитана Форда Литара лишён какого-либо названия. Именно так все и обозначают этот корабль, именем самого капитана. Думаю, капитан Форд Литар просто слишком любит себя, чтобы присваивать своему кораблю какие-либо посторонние имена.

Зато моя кондитерская носит слегка легкомысленное название «Сладкая магия».

Быть может, именно поэтому творится в ней всякое необъяснимое безобразие?..

Корица и вправду оказалась поразительной – во всех смыслах этого слова.

Следующим же утром, заявившись в кондитерскую, я взялась за готовку. Главной сладостью сегодняшнего дня оказа-

лись синнабоны: свернутые в спираль булочки, щедро сдобренные корицей. Окна в самом деле пришлось открывать, и не только чтобы привлечь покупателей, но и чтобы самой дышать чем-нибудь, кроме пряной коричневой пыли.

– Анита, теперь в кондитерскую можно попасть с закрытыми глазами, – заметила Лори вместо приветствия. – Её можно учуять даже не с соседней улицы... А со всего нашего квартала, наверное. Его учуяла даже моя маменька, а у неё – хронический насморк. Спросила, уж не ты ли занялась выпечкой с самого утра.

– Надо было пригласить зиту Фрин к нам в гости, – настаивательно ответила я, смахивая пыль с носа и ресниц. В зеркало на себя сейчас лучше не смотреться... – Корицы хватит на всех. Нам стоит поблагодарить капитана Форда Литара: это его подарок.

Лори поморщилась. То ли из-за того, что она, как и большинство добропорядочных жителей нашего квартала, занявшего побережье, с большим подозрением относилась к морякам, и, тем более, к тем, кого зовут Форд Литар. То ли потому, что вдохнула корицу и теперь сдерживает чихание...

Корица сработала как следует – смогла привлечь к нам внимание, но при этом не заставила обращаться к бумаге, краскам и даже словам. Достаточно оказалось запаха.

Убрав синнабоны в духовой шкаф, я ненадолго выглянула в зал для посетителей. И не поверила собственным глазам. По ту сторону двери, пока закрытой, толпились посетители –

пятеро! Кто-то сможет фыркнуть и спросить: «Всего?». Но я последний раз видела сразу пять посетителей за дверью нашей кондитерской очень и очень давно – в тот день, когда, заканчивая обустройство кондитерской, повесила наконец вывеску «Сладкая магия».

Пока синнабоны поднимались и румянились, я (не без помощи Лори, под размышления Кексика) успела навести порядок на кухне. И даже приготовить крем – невероятное трио из сливочного сыра, масла и пудры. Лори, закончив с помощью мне, взялась готовить кондитерскую к открытию. Протерла столы, подогрела воду для чая, сменила букеты – в этот раз в узкие стеклянные вазочки попали нежно-желтые розы
...

Конечно же, прежде чем угостить синнабонами наших уважаемых посетителей, я должна была самостоятельно убедиться в их превосходности. Я выбрала для себя самую маленькую и скромную булочку – чтобы не слышать больше про мягкотелость и необъятность. Полила её сливочно-сырным кремом, откусила румяный бочок...

На кухню заглянула Лори – ждала, пока я разрешу открывать двери. И словила меня прямо на месте преступления: с надкушенным синнабоном в руках и носом, вновь присыпанным корицей. Лори любопытствовала:

– Ну что, как оно?

Я многое могла бы сказать. Упомянуть нежнейшую текстуру теста, мягкость крема, идеальное соотношение ингре-

диентов...

Но сказала ещё больше. И, помимо всего прочего, весьма поэтично и против своей воли.

*– Слаще магии не сыщешь,
Чем в кондитерской Аниты.
По кварталу Ани рыщет:
«Угощайтесь, заходите!»*

*Только нет гостей у Ани,
А расходов выше крыши.
Ани думает: «Проклятье!»
Лучше б это были мыши,*

*Так мука бы пострадала
Только лишь. Сплошная мука!
Дело жизни увядает,
Как не опустить здесь руки?..*

*Что там булочкам с корицей!
Что там оркам или гномам!
Наша Ани угодила
В мелководье. И по полной!*

– С-с-снова магия! – пролепетал Кексик возмущенно, выслушав меня. – Бедная-с-с-с, бедная-с-с-с моя Анита!
...Капитан Форд Литар отнёсся к моему предложению с

таким же воодушевлением, с каким я сама вчерашним вечером отнеслась к предложению от него. И в кондитерской за весь день так и не появился.

Причем, когда я вновь оказалась на побережье, корабль капитана Форда Литара уже покинул порт. Спешно и непредсказуемо, как всегда.

А жаль! Иначе я бы поведала капитану Форду Литару о том, что думаю по поводу его особенных подарков, – и при том в стихах. А ещё – задаром накормила булочками с корицей всю его команду, поскольку кому-либо другому я так и не рискнула их предлагать.

Глава третья

В этот раз грима Китчер сама заглянула в мою кондитерскую. Я как раз выставляла на витрину круассаны. Вообще говоря, круассаны становятся нашим основным блюдом, по традиции, уже тогда, когда мы находимся в самом бедственном из возможных положений. Поскольку круассаны обладают чудесным свойством: при выпекании раздуваются, увеличивая объем исходного теста раз в пять.

Ингредиентов нужно мало. Зато на витринах появляется какой-никакой ассортимент.

– Анита, пчёлка! – воскликнула грима Китчер ещё на пороге. Степенно приближаясь к витрине, продолжила: – Я вчера была неподалеку от твоей кондитерской и учуяла невероятный запах корицы. Не осталось ли чего-нибудь с тех времен?

Я многое могла бы сказать... Но кто я такая, чтобы портить настроение гриме Китчер?

Она оказалась вдруг рядом со мной, и мне пришлось слегка приподнять голову, чтобы, разговаривая, видеть её лицо – рост у гримы Китчер, наверное, даже немного превосходит шесть футов. А ещё у неё восхитительный разворот плеч – следствие работы на ферме. Наверное, как-то так и выглядят женщины-воины. Хотя сомневаюсь, что многие из них могут похвастаться гномом в мужьях.

– Увы, – только и ответила я. – Зато у нас есть круассаны с ягодной начинкой. Не желаете попробовать? Или вот – несколько кусков лимонного тарта.

– На дух лимоны не переношу, – призналась грима Китчер, слегка поморщившись. Поправила широкополую шляпу, укрывающую короткие русые волосы, и решила: – Давай круассаны. Штуки, скажем, четыре.

– Чай? – предложила я.

– Куда же без чая, – согласилась грима Китчер. – И присаживайся со мной, если не занята.

А я как раз освободилась – удивительное совпадение. Точнее даже так: я оставила Лори наводить порядок на кухне, а сама занялась расстановкой товара. И как раз таки тогда, когда я раскладывала последние круассаны, к нам заглянула грима Китчер. Удачно всё сложилось!

Грима Китчер рассказала мне о том, что очередная её коза (из тех, у которых на левом ухе можно разглядеть звезду) разродилась козленком, подкинув хозяйке забот. И ещё – что на кукурузу напали неизведанные чудовища, длиной раза в два превосходящие нормальную саранчу. И похвасталась тем, что её мужу, гриму Дерену, колечко заказал кто-то из богатеньких аристократов. Грим Дерен уже больше двадцати лет работает ювелиром. Иной раз я думаю, что Китчер, тогда ещё не грима, ответила гриму Дерену согласием как раз потому, что он, делая ей предложение, подарил Китчер невероятной красоты колечко.

Поделившись со мной всем этим ворохом происшествий, грима Китчер поинтересовалась, как идут дела у моей кондитерской.

– В следующий раз не вздумай даже пускать на порог орка! – посоветовала грима Китчер, когда я рассказала ей о том, как подарила семь бриошей вместо одной.

– Мне этот пройдоха никогда не нравился, и ты держись от него подальше, – заметила грима Китчер, когда я повела её о злосчастной корице. И ещё о том, от кого она мне досталась.

Зато коз мы обсуждали куда дольше. По одному только моему описанию грима Китчер смогла приписать увиденным мной козам множество болячек. И пообещала обязательно отыскать это несчастное маленькое стадо, чтобы как следует о нём позаботиться. Поскольку поедание бумаги, сколь бы шелковистой она ни была, – это, по мнению гримы Китчер, последняя степень отчаяния со стороны коз.

А потом, когда установилось вдруг молчание, грима Китчер любопытствовала:

– Анита, почему же ты не обратишься за помощью к маме?

– Потому что я не хочу к ней обращаться, – ответила я просто.

Грима Китчер приподняла правую бровь, посмотрела на меня выжидающе – это значит, что я не смогу подняться со стула, пока не отвечу.

– Потому что я уже взрослая, – напомнила я. И начала за-

гибать пальцы. – Во-первых, я не хочу мешаться у мамы под ногами. Во-вторых, я мысли не допускаю о том, чтобы выпрашивать милость у месень Жесета. В-третьих, мама мне сразу говорила, что у меня ничего не получится. В-четвертых, я долго и убедительно доказывала ей, что всё-то я обязательно смогу. Наконец, как самостоятельный человек, со всеми своими проблемами я должна разбираться самостоятельно.

– Сколько тебе лет, Анита? – поинтересовалась грима Китчер.

Сначала мне на вес намекают... Потом спрашивают про возраст. Со мной явно что-то не так!

– Двадцать, – ответила я всё-таки. И не стала уточнять, что двадцать мне исполнилось чуть больше месяца назад.

– Какая же ты ещё малышка! – воскликнула грима Китчер. Боковым зрением я заметила белое пятно, мелькнувшее в кухонном проёме. Конечно же, это был Кексик, без зазрения совести подслушивающий наш разговор. Пообщавшись с призраком, я осознала одну печальную вещь: совесть умирает самой первой. – А теперь послушай меня – я давно потеряла пылкость, свойственную молодости. У мамы под ногами ты никогда не мешалась – просто потому, что она мама, а не случайная прохожая. Месень Жесет будет только рад поделиться своими бесконечными сбережениями с дочерью его любимой женщины. Зита Лисна иногда слишком резка в выражениях – это правда. Но ещё большая правда то, что у

тебя и в самом деле прекрасно всё получается. Ну а самостоятельность не должна быть равна одиночеству перед лицом трудностей.

Я решила смилостивиться над гримой Китчер – всё же за моё воспитание она вдруг взялась с большой пылкостью, чем моя собственная мама. Быть может, есть во мне что-то от несчастных козочек, так сильно гримой Китчер любимых?..

Я заметила:

– Хорошо.

И как ни в чем не бывало взялась пить чай.

Грима Китчер даже круассан выронила из рук. Благо приземлился он прямёхонько на поднос и почти не раскрошился.

В очередной раз взглянув на меня своими пронзительными глазами – миндалевидными, темно-карими и окруженными пушистыми светлыми ресницами, грима Китчер поинтересовалась:

– Ведь ты прямо сегодня напишешь маме? Или, ещё лучше, наведаешься к ней в гости? Когда ты вообще в последний раз выбиралась в город?

– Нечего мне делать в городе, – призналась я. – Он никогда мне не нравился. И до сих пор я не смогла его полюбить. На что там смотреть? На высокомерных магов в дорогих костюмах? Которые взирают на представителей всех прочих народов, как на мусор под подошвой. Или на сияющий драгоценными камнями дворец, под стенами которого толпятся

бедняки, надеясь отыскать потерянную монетку? Чур меня! Мне морской воздух куда милее смога заводов. И обитатели здесь живут куда более приятные. Так что я предпочту обойтись без поездок в город.

– Не так уж ты и неправа, Анита, – грима Китчер вздохнула. Отодвинула в сторону пустой поднос – мои страшные рассказы про город вызвали в ней нешуточный аппетит. – Пойду я – к своим грядкам и козам. Но если вдруг надумаешь – я слышала, корреспонденцию будут отправлять сегодня вечером.

Стоило гриме Китчер покинуть кондитерскую, как я вернулась к своим витринам. Но думать о сладостях отчего-то не хотелось. Будто вместе со словами гримы Китчер попала на язык горькая пилюля. Отравила сладкое послевкусие, оставшееся после выпечки. И ещё долго будет о себе напоминать.

Что ж, пожалуй, сейчас самое подходящее время, чтобы вернуться к началу моей истории. То есть к тому моменту, когда я вздумала появиться на свет.

Вообще говоря, моя мама, которая отныне считает себя городской жительницей, первые тридцать семь лет своей жизни прожила в этом самом квартале – теперь уже только моем. Она родилась здесь, выросла, научилась жизненным мудростям. Самое долгое расставание мамы с этим кварталом длилось три года – когда мама постигала мудрость научную. Да и то – мама частенько навещалась в родные края,

поскольку училась неподалёку.

Зато потом, отучившись, мама вернулась сюда секретарём.

А властям пригорода как раз требовался секретарь – светлый и наивный, как первый весенний листок, чтобы был несведущим во всех тех играх, без которых ни одна власть не обходится. Маме в мэрии обрадовались. Предложили ей хорошее место и неплохие условия, чтобы удержать на подольше. Забегая вперёд, скажу, что именно в мэрии мама и проработала следующие восемнадцать лет... Она вообще у меня из тех, кто дотошно хранит верность собственному выбору, метаться не привыкла.

Правда, помимо мэрии, была у мамы ещё кое-какая забота, неожиданно свалившаяся на голову.

На второй год работы моя мама познакомилась с моим отцом.

Ей было двадцать – как сейчас мне. И, как и я, мама любила прогуливаться по морскому побережью больше, чем по каким-либо иным местам. В один из вечеров – отчего-то, несмотря ни на что, мама называла этот вечер самым красивым в её жизни – в порт прибыл корабль. Только вот команда его оказалась необычной. Помимо моряков, закалённых беспощадными штормами и палящим солнцем, на корабле обнаружилась целая делегация изнеженных магов. Мама рассказывала: спускаясь с корабля, эти маги шатались и то бледнели, то краснели... Тогда как моряки улыбались безмятеж-

но.

А потом произошло самое настоящее чудо.

Среди магов мама заметила одного особенного. А этот особенный маг вдруг разглядел мою маму среди девиц, топчущих побережье. Всё произошло одновременно. Страсть вспыхнула, как огонь в печи.

Продолжительности этого огня, впрочем, не хватило бы даже на то, чтобы круассаны испечь.

Мама рассказывала: у него были белокурые волосы, ну вот прям как мои, а ещё очень уж необычные глаза – один скорее синий, а другой по большей части зелёный, и это я тоже у отца позаимствовала. Мама говорила, их делегация приплыла на наши скромные земли из столицы магии, Анлье, чтобы исследовать магические аномалии – о которых, к слову, не слышал прежде ни один житель пригорода. А мой отец, помимо всего прочего, эту делегацию ещё возглавлял и воодушевлял. Знала же, кого следует выбирать.

Отец рассказывал маме о принципах, по которым строится магия; о её многочисленных ответвлениях и особенностях; и о том, как тесно на самом деле переплетены меж собой волшебство и жизнь каждого из нас.

А в ответ мама делилась с ним собственными наблюдениями – о том, как определить погоду на следующую неделю в зависимости от высоты волн; и на какой стороне света помидоры вырастают наиболее крупными и сочными; и какие пирожные предпочитает здешний мэр. Моя мама тоже неплохо

разбиралась в кондитерском искусстве.

Отец пробыл в нашем пригороде чуть меньше месяца.

Делегация магов покинула пригород Эферии в последние дни лета – поскольку практически вся эта делегация состояла ещё и в преподавательском составе академии, обучающей, конечно же, магии. Прощальная ночь, разделенная моим отцом и мамой на двоих, случилась уж точно незабываемой. Мама, вообще говоря, об этом не рассказывала, но догадаться оказалось несложно. Поскольку на следующий год, в конце весны, на свет появилась я.

Зато мама однажды проговорила об обещании отца.

Сдержать которое он не смог.

Отец пообещал маме вернуться. Как только разберётся с делами чрезвычайной важности. Вернуться, а потом забрать маму с собой. Зажить с ней долго и счастливо, как во всяких сказках пишут.

Но так и не вернулся.

Мама долго его ждала. Подбегала к окну, едва заслышав шорох. Наверное, тогда она возненавидела коз – отчего-то рядом с нашим домом постоянно ходили козы... Однако же, на мой седьмой день рождения, мама вдруг призналась, что ждать у неё не осталось никаких сил – и что она отпускает моего отца окончательно. Наверное, тогда я и возненавидела магов...

Вообще говоря, жили мы с мамой неплохо. Очень даже дружно.

Разочарование моим отцом нисколько не сказалось на мамином отношении ко мне. И вообще – мама, кажется, любила меня чуточку больше всего остального в этом мире. Хотя и к миру она относилась весьма приветливо. Маме нравилась её работа. Маму восхищало море. Мама обожала готовить, наряжать меня в пусть не самые дорогие, но вполне себе милые платья. И ходить вместе со мной на прогулки, каждый раз подмечая в знакомых улицах нечто новое и необычное.

А я души в ней не чаяла.

И оттого, пожалуй, с каждым годом наращивала презрение по отношению к собственному отцу. Ведь как можно было оставить мою маму, такую чудесную, самую замечательную?

Всё у нас с мамой было хорошо.

Вот только (думаю, из-за меня в первую очередь) у мамы совсем не складывались отношения с мужчинами. До моих четырнадцати лет мы проводили вдвоём слишком много времени. А потом я немного подросла, кое-что осознала – и освободила маме немного времени. Стала больше времени проводить с подругами, а ещё – перезнакомилась со всем нашим кварталом, а с кем-то продолжаю дружить до сих пор.

Когда мне было пятнадцать, мама впервые привела в наш дом месень Жесета. Они с мамой познакомились в мэрии, причём за пару лет до этого. Месень Жесет был советником из города и по долгу службы иногда навещался к нам в пригород, каждый раз пересекаясь с моей мамой. Конечно

же, лишь благодаря случайному совпадению.

Это не было вспышкой страсти, как в случае с моим отцом.

Но зато – это была взаимная заинтересованность, которая грозила перерасти в нечто большее.

Мне месенье Жесет понравился сразу. Во-первых, своими выдающимися усами, закрученными вверх. Во-вторых, теплом в глазах, которое появлялось, следовало месенье Жесету взглянуть на мою маму. Так что я, как хорошая и благодарная дочь, позволила этим отношениям развиваться.

Когда мне было шестнадцать, мама продала наш дом. И мы вместе с ней перебрались к месенье Жесету, в город.

Так что об особенностях жизни в городе я знаю не понаслышке.

Я еле как перетерпела следующие два года. Даже успела пройти высшие классы в престижном лицее... Не будем уточнять, с каким трудом мне это далось – сама я всё это предпочла забыть, как страшный сон. А потом мне исполнилось восемнадцать, и я заявила: возвращаюсь в пригород! И начинаю заниматься тем, что мне действительно по душе.

Мама и месенье Жесет в один голос твердили о том, что мне нужно остаться в городе. И продолжить учиться. Тем более что месенье Жесет уже почти выбил для меня место в академии финансов – на экономических науках. А мама говорила, что я обязательно должна попробовать себя в политике...

Однако я осталась непреклонной.

Заявила, что если и захочу продолжать обучение, то пойду в то место, которое выберу сама. И ещё много разных вещей заявила, частью из которых я только что делилась с гримой Китчер.

Мама, наверное, никогда прежде не видела меня такой непокладистой... Скандал знатный стоял! Гремел несколько дней. Но потом месенье Жесет устал меня воспитывать. А мама и вовсе смирилась с моим выбором. Улыбнулась самой невинной из всех возможных улыбок и сказала, что они всегда будут рады принять меня обратно. Ну и снабдила теми средствами, которые я умудряюсь тратить до сих пор.

С тех пор я бывала в городе дважды, по осени.

И оба этих раза, прежде чем отправиться в город, я заглядывала в цветочную лавку арелии Силлы – феи, которая знает о цветах даже больше, чем цветы знают о себе. Я брала самый большой букет и дарила его маме, в честь её дня.

А мама дважды навещала пригород.

И оба раза – в конце весны. Вот только брала с собой не цветы, а платица – по старой памяти. Иначе и не обновлялся бы мой гардероб...

Видеться дважды в год нам с мамой было вполне достаточно.

Ведь мы уже и так взяли друг от друга всё, что могли взять. Обсудили все возможные темы, посмеялись над каждой шуткой, которую когда-либо слышала одна из нас.

Не надумаю писать письмо, решила я окончательно. Не стану тревожить маму. Пусть наконец-то насладиться жизнью вдоволь.

– Малыш-с-шка! – прошелестел Кексик за спиной, высвобождая меня из плена воспоминаний. – Анита, какая же ты ещё малыш-с-шка!

Обернувшись, я взглянула на него с высоты своих пяти футов. И не стала ничего говорить – только лишь вздохнула.

Моя «Сладкая магия» вновь погрузилась в пучину безразличия со стороны жителей пригорода. Рассеялся запах корицы, а оставшиеся в живых объявления подсмывало теплым летним дождиком. Они теперь напоминали скорее афишу, зазывающую в театр теней: от профитролей, бриошей и тартов остались лишь неясные очертания.

Следовало срочно решать, что же предпринять дальше.

Собственно, именно этим я и занималась, спрятавшись в собственном кабинете. Чтобы избавиться от отвлекающих моментов, я даже замкнула дверь. Это был единственный возможный способ спастись от болтовни Кексика. Дверь ему, как существу бесплотному, конечно же, никаким образом не мешает. Однако я с самого начала объяснила Кексику предельно ясно: когда я запираюсь в кабинете, то хочу побыть наедине с собой. И чем яростнее он будет этому мешать, тем дольше я просижу за закрытой дверью.

Правда, с воображением сегодняшним днём у меня име-

лись некоторые проблемы.

На ум не шла ни одна здравая мысль — лишь всякие пу-
стяки.

Я представляла, что, уединившись, поймаю вдохновение,
только успевай записывать идеи. Приготовила пачку бумаги
и несколько карандашей. А в итоге нарисовала цветок в ле-
вом углу верхнего листа. И взялась перебирать сокровища с
полок.

Что бы сообразить такое?

Сладость по необычному рецепту? Подсмотреть в моей
чудесной книге что-нибудь такое, что прежде не пробовал
ни один житель пригорода. Но опять же: чтобы осуществить
эту задумку, понадобятся ингредиенты, а мы сейчас не осо-
бо располагаем средствами. И ещё — не обойтись без жите-
лей пригорода, которую эту сладость захотят попробовать. И
вдохновятся настолько, чтобы проболтаться о ней соседям...

А если попробовать зазывающие украшения? Прогулять-
ся до местной библиотеки — когда-то в детстве я обнаружила
в ней справочник праздников на каждый день. Можно будет
подцепить идеи оттуда. Вдруг в нём обнаружится день роз?
Тогда мы с Лори украсим кондитерскую алыми, розовыми и
белыми лентами, сложенными в виде этого замечательного
цветка. И внесём в ассортимент варенье из лепестков роз.
Или день меда удастся отыскать? Я готова испечь десяток
медовых пирогов и даже нарядиться в костюм пчелы!

От полочек я перешла к окну, опустила руку в банку с

камешками.

Может, стоит предлагать покупателям что-нибудь такое же маленькое? И всем в итоге будет хорошо. Нам потребуется совсем немного ингредиентов. А нашим гостям – совсем немного денег. Что бы такое придумать? Карамельные леденцы? Можно добавлять в них сок, чтобы получались разноцветными. Или, например...

Резкий стук в дверь поставил точку моим размышлениям.

Я резко вытащила руку из банки, будто бы занималась чем-то недостойным. Не стала даже поправлять платье или переплести косу, потому что была более чем уверена, что за порогом увижу Лори.

По ту сторону двери Лори действительно была. Но ещё – там была голова, заглядывающая внутрь нашей кухни.

Я узнала эту голову сразу же. Ещё бы! Ведь она принадлежит бывшей маминей напарнице. С которой, было время, мы виделись каждый день – и с большим уважением относились друг к другу. И с которой время от времени менялись конфетами, поскольку обе до безумия любили сладости.

Имя у неё очень музыкальное – Мелодия, мия Мелодия.

Хотя сама Мелодия, в отличие от её родителей, к музыке даже не притронулась.

– Анита! – она махнула рукой, подзывая меня к себе. – Выйди ненадолго! Есть разговор.

Разговоры мы любим – не зря же говорят, что в споре истина рождается. Я приблизилась к Мелодии, а попутно спро-

сила:

– Чай, профитроли?

– Обязательно, – ответила Мелодия.

Её любовь к сладостям, наравне с моей, спустя годы тоже осталась прежней.

Мы с Мелодией расположились за столиком, примыкающим к окну. Пока Мелодия наслаждалась профитролями на клубничном заварном креме, для приготовления которых мы с Лори сегодня использовали остатки муки и клубники, я разглядывала обстановку по ту сторону стекла. Весьма унылую и пустую. Жарко было сегодня – настолько, что не спасал даже морской бриз. Вот и кто, скажите на милость, готов в такую погоду идти в кондитерскую за горячим чаем?

Быть может, нам следует изготавливать остужающие напитки? И продавать сладкий лед. Ну а что? Будем соответствовать желаниям гостей. Глядишь, и заглядывать к нам начнут почаще. Для льда много ингредиентов не надо – достаточно воды, ягод и сахара. Впрочем... Даже тут загвоздка! Для льда нужен охлаждающий элемент – куда более мощный, чем тот, что стоит у нас на складе. А чтобы его получить, нужно, во-первых, обратиться к магам. И, во-вторых, приготовить кругленькую сумму денег. Боюсь её не наскреести, даже если соберу все свои скромные запасы.

– Анита! – провозгласила Мелодия. И я пообещала себе, что обязательно обдумаю идею со льдом ещё раз, но позже. – Молчаливая ты сегодня.

– Думаю над тем, как внести оживление в кондитерскую, – призналась я.

– Тогда моё предложение тем более должно тебя обрадовать, моя хорошая! – обрадовалась Мелодия.

В мэрии Мелодия работает кем-то вроде затейницы – время от времени придумывает развлечения для всего пригорода, чтобы жилось нам чуточку повеселее. Причём фантазия Мелодии не ограничивается общепринятыми праздниками. И даже теми, которых она набралась в справочнике праздников на каждый день. Мелодия придумывала то забеги вдоль побережья или разминки на нём же, то благотворительные сборы в честь бродячих котов или обитателей морского дна, то дни уважения к старикам, детям и работающему населению. Одним словом, скучать у нас некогда.

А моя мама была в том числе и той, кто согласовывает бюджет на все эти развлечения с вышестоящими органами. Частенько мама и Мелодия спорили по поводу того, может ли очередной забег стоить недельный бюджет всего пригорода или всё-таки нет.

– Да, я готова выслушать твоё предложение, Мелодия, – заметила я. Улыбнулась – и приказала себе сосредоточиться на этом разговоре.

– Ты ведь знаешь... – пробормотала она голосом опытной интриганки. – Что через три дня мы празднуем день независимости пригорода!

Этот любопытный факт я и в самом деле знаю прекрас-

но. Как-то так получилось, что чуть меньше сотни лет назад пригород Эферики фактически отделился от города. Хотя название мы продолжили носить прежнее, но с того момента считаемся двумя отдельными населенными пунктами. Что даёт нам право обзаводиться собственной мэрией (которая носит забавное название «Мэрия Эферики п.»). И личными праздниками тоже.

– Обязательно загляну, – пообещала я. – Интересно будет посмотреть, что же ты придумала в этот раз.

Мелодия улыбнулась довольно. Вообще говоря, её рот будто именно для улыбок и создан – пышные губы, жемчужные зубы... Быть может, именно благодаря природной красоте Мелодия все же довольно частенько добивается того, чтобы бюджет ей в конечном счёте согласовывают.

– Придумала я в частности вот что: торт на этот праздник приготовишь ты! – объявила Мелодия. – Плачу заранее, за это можешь не беспокоиться. Ярусы, украшения, крем... грандиозность в каждом жесте, всё как положено, а остальное на твой вкус, ему я доверяю беспрекословно. Ну, что думаешь? Справишься за три дня?

Я замерла пораженно.

Сколько праздников прошло в пригороде за это время! И ни на один из них я прежде не пекла торт. А тут – день независимости пригорода! И такая честь...

– Понимаю, понимаю, – Мелодия покивала. – Надо было предупредить тебя чуть раньше. Но раньше у меня не было

денег, а теперь они есть. Я очень рассчитываю на твой талант, Анита! За срочность доплачиваю отдельно!

– Ярусы... – повторила я. – Какое количество? Чем больше ярусов, тем неустойчивее торт, нужны укрепляющие конструкции... Украшения. С отсылкой на что? Быть может, в этом году у дня независимости пригорода есть определенная направленность? Крем? Какой именно должен быть крем? Масляный? Заварной? Шантильи? Глазурь? И что насчет начинки?

Мелодия улыбнулась в очередной раз. А потом и вовсе поднялась со стула – чтобы приблизиться ко мне, наклониться и практически соприкоснуться своей левой щекой с моей правой.

– Представь себе эту восхитительную картину, Анита, – она повела руку в сторону, будто бы перелистывала невидимую страницу. – Наша любимая площадь, сплошь украшенная праздничными декорациями... Песни, танцы, безудержное веселье... И во главе всего этого: твой восхитительный торт. Сделай его таким, чтобы он приковывал взгляд каждого, кто заглянет к нам отпраздновать это знаменательное событие. Вот каким именно он должен быть.

В общем, я пообещала сделать всё, на что только способна.

А на прощание Мелодия, конечно же, спросила:

– Как там мама?

За два года, которые прошли с момента моего возвраще-

ния в пригород, мы с Мелодией случайно сталкивались на улицах раза три. И все эти три раза Мелодию интересовало, как же там поживает моя мама.

– Лучше всех, – ответила я честно. – Чуть больше месяца назад заглядывала в родные края.

– Хоть бы раз предложила встретиться, – возмутилась Мелодия. – Как будто мы с ней совсем чужие люди. Но ничего, – она зачем-то мне подмигнула, – даже до города дойдут известия о том, какой чудесный получился у нас праздник. Она ещё жалеть будет, что уехала!..

Следующие три дня прошли в суете для всей нашей кондитерской, задело даже Кексика.

Но, справедливости ради, суета эта была приятной.

Те дополнительные средства, которые, по-хорошему, должны были остаться нам с Лори в качестве весьма славного гонорара, я практически целиком потратила на то, чтобы закупить ингредиенты на пробные праздничные торты. Рецептов, способных поразить воображение жителей пригорода, было предостаточно, но нам следовало остановиться только на одном из них.

Я голову сломала, размышляя над тем, чему же всё-таки отдать предпочтение: бисквиту со сливочной клубникой, шоколадкой шарлотке или малиновому муссу. Заставила пробовать каждый из них владельцам соседних торговых заведений. И голоса разделились на три равные части!

Так что я решила не выбирать, а делать три яруса с разным наполнением.

Работа кипела днём и ночью! На отдых у нас не было ни единого мгновения, так что к утру третьего дня начал зевать даже Кексик. А призракам, спешу напомнить, сон не положен вовсе.

Зато к обеду третьего дня мы всё-таки приготовили его – самый чудесный из тортов, к которому я когда-либо приложила руку.

В украшениях мы тоже решили себя не сдерживать.

Так что торт получился у нас яркий, как само лето. Благо сейчас идёт ягодный сезон: ягодыгодились нам как для крема, так и для украшения. В итоге красок на нашем торте было ничуть не меньше, чем на поляне.

Чтобы от нашего гонорара совсем ничего не осталось, мы с Лори нашли время ещё и до магов прогуляться. По счастливому совпадению, лавка магической ерунды вот уже второй год стоит в трёх минутах ходьбы от нас, идти не устанешь. Мы взяли совершенно прелестные (стоит отдать магам должное) свечи. Которые мало того что горят разноцветными огнями, так ещё и запускают во все стороны искры, безопасные для окружающих.

И теперь, вымазанные в муке, сливках и ягодах, все втроем мы были довольны как никогда.

Кексик кружился по комнате, переполненный гордостью, – поскольку, со слов Кексика, это был в том числе и его

самый красивый торт. А нам с Лори, отличающимся от призрака телесностью, приходилось быть чуть более сдержанными в эмоциях. Хотя радовались мы не меньше Кексика.

Спрятав торт на склад, чтобы не подтаял, мы разбежались ненадолго – следовало привести себя в порядок.

Я нарядилась в одно из тех платьев, которые мама привезла с собой месяц назад. Выбор пал на нежно-розовый вельвет – очень уж он клубничный мусс напоминал. И даже волосы я осмелилась распустить, чего не делала уже давненько. Они заструились по спине – цвета сливок с мёдом – и неожиданно почти достигли талии.

Прежде чем покинуть чердак, я лукаво взглянула на собственное отражение в маленьком настенном зеркале. Прищурила сначала преимущественно синий глаз, а потом – по большей части зеленый. Смахнула с щеки незамеченную прежде косточку от малины и улыбнулась.

Хороша, не поспоришь!

Не настолько хороша, как наш сегодняшний торт, но тоже ничего так.

По дороге в кондитерскую я заглянула в строительный павильон – следовало разжиться кое-чем для перемещения торта. И вышла из него веселая, с чувством выполненного долга. А перед собой покатила тележку, наполненную пока что упаковочной бумагой, но, вообще-то, предназначенную для торта.

Лори опоздала, но совсем ненамного. Зато переступила

порог кондитерской такой красивой, какой я Лори никогда не видела. В противовес мне, платье на ней было насыщенно-синим, как голубика. Оно делало светлую кожу ещё более белой и оттеняло пронзительные карие глаза. Вопреки мне, русые волосы Лори заплела в две косы, похожие на пшеничные колоски.

– Прелес-с-сны! – заявил Кексик довольно. – Будь такие девиц-с-сы в моё время, я, быть мож-ш-шет, даж-ш-се и ж-ш-шенился бы!

Наш замечательный торт на отполированном блюде переместился в тележку так легко и непринужденно, будто был создан специально для неё, только и оставалось дожидаться встречи. А сверху мы соорудили нечто вроде подушки из упаковочной бумаги – такой, чтобы она одновременно и не нарушала внешний вид торта, и защищала его от пыли. Получилось вполне надёжно.

За мгновение до того, как покинуть кондитерскую и отправиться на площадь, я вдруг задумалась о том, что пока всё у нас складывается довольно-таки неплохо.

Даже хорошо, если взять в учёт все наши прошлые неприятности.

Будь я Лори, я бы наверняка заподозрила неладное в таком удачном стечении обстоятельств. Лори любит видеть во всём подвох.

Но я – это я.

И везение я восприняла закономерным процессом. У на-

шей кондитерской была тёмная полоса – многого нам пришлось натерпеться! А теперь пришла светлая. И вообще – это не удачу стоит благодарить, а самих себя. Своё упорство, трудолюбие и веру в лучшее, вот так вот!

Тележка, нагруженная тортом, стала куда менее податливой, чем она же с упаковочной бумагой.

Так что мы с Лори решили поделить между собой стороны, для равновесия. Я шла по правую сторону, а Лори по левую. Тележку мы катили перед собой и со всей внимательностью осматривали окружающую местность – на предмет препятствий, которые могут затруднить наше перемещение.

Я так гордилась нами в этот момент!

Гордилась восхищенными взглядами со стороны окружающих. И испытывала особое удовольствие, когда отвечала на вопрос, что же такое мы перевозим. Торт! Да-да, торт! Заглядывайте на день независимости пригорода, отведаете лакомый кусочек!

Чем ближе мы подходили к площади, тем радостнее становилась обстановка вокруг.

Наш пригород, и без того не страдающий от недостатка красок, обретал всю большую пестроту и цветность, аж дух захватывало. Вот стала слышна музыка – задорный дуэт барабанов и струн. Вот появились актёры, выраженные в яркие одежды. А вот собирается толпа – там, вдалеке. И мне даже показалось, что в толпе я разглядела Мелодию, наряженную в платье цвета апельсинового желе.

Несколько десятков шагов – вот сколько нам оставалось пройти, прежде чем мы должны были оказаться в самом центре праздника.

А потом я различила: музыка стала какой-то фальшивой, да и голоса звучат теперь скорее возмущенно, чем восторженно...

Самым ласковым словом ко всему, что происходило дальше, было слово «безобразие».

Толпа разделилась на две неравные части, образуя проход. Обитатели пригорода пропускали мчащуюся вереницу, чтобы не попасться под горячую руку... Ну, или лапу. Возглавляли вереницу козы – три чумазые козы, вполне возможно, те же самые, которые съели мои объявления. Во рту каждая из коз держала румяное красное яблоко.

А за козами следовал свирепый мужчина на лошади. Лицо у мужчины было краснее всяких яблок, а лошадка, видимо, уже давно служила ему верой и правдой, так что растеряла прежнюю прыть. И никак не могла нагнать коз.

Между тем вся эта вереница нацелилась напрямехонько на нашу тележку с тортом. Следовало как можно скорее исправлять ситуацию.

Я дернула в правую сторону – поскольку правая сторона была мне ближе.

А Лори, не растерявшись, дернула влево и сделала это одновременно со мной.

Лишенные дара речи, мы с Лори так и не смогли опреде-

литься со стороны, а потому продолжили стоять на месте.

Козы растерялись внезапному нашему появлению. Но замедлиться не посмели – грозный торговец, у которого они сперли яблоки, показался им более опасным, чем две беззащитные девицы с праздничным тортом. А старая лошадка вдруг вошла во вкус и начала набирать скорость – несмотря на попытки торговца, для которого мы тоже не остались незамеченными, её остановить.

За мгновение до того, как произошло неизбежное столкновение тележки и коз, я внимательно взглянула на Лори – а потом потянула её всё-таки вправо, отделяя нас от места происшествия.

Всё-таки людей я пока ценю больше, чем торты, какими бы прекрасными они ни были.

Дальше нам только и осталось, что наблюдать за тем, как мы лишаемся труда трёх последних дней.

Козы врезались в тележку удивительно слаженно – так, что придали ей достаточно силы для того, чтобы совершить кульбит в воздухе и перевернуться колёсиками вверх.

– Но как же наш торт, Анита? – опомнилась Лори. Она прижала ладонь ко рту, и даже косы её, которые прежде ласково трепал ветерок, застыли обреченно.

Всё, чем я смогла ответить – это пожать плечами.

Я чрезвычайно сильно пожалела о том, что не взяла с собой носового платка. Если бы он у меня имелся, можно было бы немного всплакнуть – и красиво вытереть слёзы. Лишен-

ная платка, я вынуждена была оставаться сильной, а потому не позволила себе ни единой слезинки.

Праздник плавно перетёк в нашу сторону.

Нашлись добровольцы, которые помогли нам поднять тележку. Следом за собой тележка потянула оберточную бумагу, и нашим глазам предстала душераздирающая картина: три яруса торта, которые теперь невозможно отделить, даже мысленно. Месиво, одним словом.

Мелодия тоже нашлась – платье на ней в самом деле оказалось цвета спелого апельсина.

Она мгновенно оценила обстановку. Посмотрела сначала на толпу, потом на нас с Лори, затем на тележку и только после этого – на то, что осталось от торта.

Приблизилась к этим ошмёткам, макнула палец в крем из нижнего яруса, который оказался теперь верхним. Прикоснулась пальцем к своим красивым губам... А через мгновение взглянула на меня и улыбнулась довольно:

– Анита, торт получился лучше всяких похвал!

А как по мне – лучше всяких похвал было бы, если бы Мелодия всё-таки промолчала...

Нашлись и другие смельчаки – спасибо оберточной бумаге, благодаря которой торт избежал соприкосновения с землёй. Торт разлетелся в одно мгновение – на память нам с Лори осталась лишь только бумага в остатках крема. Мы вернули её в тележку. И покатали прочь от праздника, пока собравшиеся ещё не поняли, что вместе с этим тортом рухнула

моя надежда на светлое будущее кондитерской.

Добравшись до торгового островка, мы с Лори попрощались — я позволила ей не возвращаться в кондитерскую сегодня. Да и завтра тоже. Незачем.

А сама именно в неё и пошла. Встретилась с Кексиком и объявила ему, даже не подумав улыбнуться:

— У нас и с тортом не срослось. Я начинаю верить в то, что и в самом деле переоценила себя.

Первым делом я спрятала тележку на склад.

Вторым — спряталась в кабинете сама. И взялась пересчитывать деньги, твёрдо вознамерившись вернуть Мелодии хотя бы половину от тех средств, которые она мне выделила: жители пригорода, быть может, и оценили вкус торта, но совсем никаким образом не смогли оценить его красоту. Я опустила все наши скромные запасы и не менее скромную выручку.

Денег получилось впритык.

Что же, сей печальный факт наконец готова признать и я: ещё пара недель на плаву, и мы пойдем ко дну, окончательно обанкротившись.

Значит, пришло время переходить к крайним мерам. Я добралась до листа бумаги — той самой, шелковистой. Теперь, пожалуй, я не переносу коз не меньше мамы... Следом за бумагой я взялась за остатки краски. Много цветов мне в этот раз не потребуется.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.